

(июнь 1967 г.)

Людвик Вацулик

О ВЛАСТИ

Товарищи,

Я пользуюсь случаем, чтобы сказать вам известное и без меня, и делаю это только потому, что у меня есть несколько деловых предложений. В проекте Заявления съезда говорится, что смыслом социалистического строя является обеспечение реинтеграции человека, которому гарантирован статус гражданина. Гражданин. Когда-то это было славным, революционным словом. Оно означало человека, над которым никто не мог господствовать бесконтрольно, но которым можно было управлять столь хитроумно, чтобы у гражданина создавалось впечатление, что он почти во всем подвластен только самому себе. Добиться у управляемых такого впечатления было задачей очень изощренной специальности, которую называют политической. В действительности же подвластный только самому себе гражданин — всегда был мифическим понятием и продолжает оставаться таковым.

Марксистская критика власти пролила свет на не изучавшиеся прежде отношения между правителями и собственностью на средства производства. Это открытие одновременно с пониманием истории человечества как истории классовой борьбы подготовило почву для социальной революции, от которой ожидали и нового решения извечной проблемы власти. Социальная революция у нас завершилась успехом, а проблема власти продолжает существовать. Мы „схватили быка за рога” и держим его, но при этом кто-то, не переставая, пинает нас в зад.

У власти, по всей вероятности, свои нерушимые закономерности развития и поведения, кто бы у власти ни стоял.

И нет ничего пугающего в том, что христиане выступают на стороне этих идей, — наоборот. Пугает и вызывает тревогу, что церковь стала защитником интересов рабочих и крестьян от посягательства правительства социалистического государства. До чего же мы дошли, раз католическая церковь борется за свободу слова и против цензуры, установленной марксистами, за право рабочих объединяться в профессиональные союзы, которым эти рабочие доверяют? Это *memento mori*, такое было бы невозможно, если бы марксисты не изменили своим же идеалам. Роль религии и церкви в Польше значительно укрепила уверенность в своих силах католиков в других странах и вызвала уважение к католицизму у неверующих. Я еще раз подчеркиваю, речь идет не о чисто религиозных чертах польского католицизма, а о позиции польской католической церкви по отношению к гуманитарным и общественным проблемам.

В последние годы наблюдается активизация неприязни правящих кругов наших стран по отношению к церкви, возрастает их нервозность из-за активности верующих. На это власть имущие реагируют еще большим зажимом религии. Усилились репрессии за действия, которые в других странах мира считаются само собой разумеющимся. Чехословакия — страна с наилучшими предпосылками для удовлетворительных взаимоотношений социалистического государства с верующими и церквями, превратилась в позорную косную страну. Правительственная политика по отношению к церкви дала результаты, обратные намерениям ее инициаторов. Преследования верующих, репрессии против них усиливают внимание окружающих к религии и поднимают престиж верующих. Это создает дополнительный и весьма существенный импульс активизации интереса к религии. Как мы видим на практике, *ad maiorem Dei gloriam*, (т. е. для прославления Бога) нынешний режим сделал чрезвычайно много.

Власть — это особый человеческий феномен, заданный тем, что и в племенах первобытных людей кто-то должен отдавать приказы, а в сообществе благородных кто-то должен к тому же обобщить дискуссию и сформулировать выводы. Власть — это ситуация, созданная только людьми. Она затрагивает и правящих, и управляемых, и ставит под угрозу здоровье и тех, и других. Тысячелетний опыт отношений с властями привел человечество к тому, что люди пытались установить определенные правила процедуры власти — систему формальной демократии — с обратными связями, с контролируруемыми переключателями и ограничениями. Однако в четко очерченные механизмы власти вплетаются интересы власть имущих, основанные на капитале, на вооружении, на родственных связях, на монопольном производстве и т. д. Правила процедуры не препятствуют злу, поэтому даже незначительные сдвиги при констатации этого факта могут привести к вульгарному утверждению, что именно формальная демократия обуславливает это зло. Но правила сами по себе не бывают ни капиталистическими, ни социалистическими, — они определяют не что делать, а как принимать решения о том, что делать. Это гуманное изобретение, которое по существу усложняет осуществление власти. Эти правила оберегают подвластных, но если власть рухнет, спасают и лишенных власти от расстрела. Система формальной демократии не способствует твердости правительств, но дает ощущение, что следующее правительство может быть лучше. Когда правительство падает, регенерируется активность граждан, а когда правительство неизменно, нет гражданина. Куда он исчезает? Я не намерен идти на поводу у врагов и заявлять, что гражданин попадает на плаху. Такая судьба постигла лишь несколько десятков или сотен наших граждан.

Но и друзья понимают, что значит падение гражданина, потому что за этим следует впадение всего народа в атмосферу страха, политической апатии и гражданской пассивности, т. е., в обстановку, в которой господствуют повседневные заботы и мелкие цели; народ попадает в зависимость от все большего числа все меньших господ, в подчинение настолько нового, необычного типа, что его трудно объяснить гостям из другой страны. Мне думается, что у нас уже нет граждан. У меня есть

основания для такого утверждения, накопленные за годы работы в газетах и на радио. Но вот, доказательство совсем новое. Этот съезд собрался не в тот день, который выбрали члены писательской организации, а в милостиво назначенный господином. Он ждет, естественно, поскольку привык к этому за прошлые тысячелетия, что за это мы поклонимся его династии. Я предлагаю не кланяться. Я предлагаю еще раз пересмотреть текст Заявления съезда и вычеркнуть из него все, что попахивает верноподданничеством. У народов, которые взрастили свою культуру в условиях критики власть имущих, не дело писателей отбрасывать в сторону эти правила поведения.

Я предлагаю, чтобы каждый, кто выступит после меня на съезде, внес предложение, как решить проблему, которая беспокоит прежде всего его самого! Поскольку мы согласились играть в граждан и уже получили на это разрешение и площадку для игр, раз мы еще в течение некоторого времени будем выступать, то давайте будем вести себя как совершеннолетние и самостоятельные люди.

Я выступаю сейчас как гражданин государства, от которого никогда не намерен отречься, но в котором я не могу жить как хочу. Я имею в виду гражданские проблемы. Я понимаю, что попадаю в очень щекотливое положение. Я член коммунистической партии. Поэтому я не должен, да и не хочу говорить здесь о партийных делах. Но так уж получилось, что нет у нас ничего, что на том или ином этапе обсуждения не было бы партийным делом. Как же быть мне, если они оба — и моя партия, и мое правительство — сделали все, чтобы их повестки дня слились воедино? Лично я считаю, что это вредно и для партии, и для правительства. Это создает очень сложное положение и для нас, собравшихся здесь граждан. Члены партии не имеют права высказываться о самых насущных проблемах, о болевых точках перед беспартийными, а беспартийные не имеют доступа на собрания, где только и имеет смысл эти проблемы обсуждать. Поэтому и те, и другие ограничены в своей фундаментальной свободе — говорить друг с другом как равные с равными. Возможно, это противоречит ст. 20 нашей Конституции. Но я все же дисциплинированно сойду на гражданское поле и буду говорить только о правительстве. А в тех случаях, когда это слово

окажется неадекватным, я использую термин „правящие круги”. Это надежный, давнишний термин; будучи несколько неопределенным, он все же более точно определяет суть дела. Под этим термином издавна подразумевались обладатели подлинной власти, независимо от номинальных должностей, те, чья власть зиждилась на богатстве, родственных связях, монопольном производстве, обладании оружием и т. д. Под этим термином понималось и могущество тех, кто правил за закрытыми дверями, получал сообщения ночью через специального курьера, кто знал информацию из кулуаров, заключал соглашения еще до того, как они начинали обсуждаться, и кто принимал законы, по которым еще не прошло голосование в парламенте. История наших двух народов привела нас к социализму. Наше государство после второй мировой войны восстановилось как единый политический организм, единственной задачей которого было организовать строительство социализма. Ведь действительно, если абстрагироваться от частных случаев, это было единственной целью, провозглашавшейся после 1945 г. Одним из декларируемых атрибутов новой власти было единство правящих и управляемых, вернее, их тождественность — тождественность правительства и народа.

Я еще раз вернусь к тому, что я думаю о характере любой власти: видоизменение власти и ее манера определяются внутренними законами власти, и эти законы не может изменить ни стоящая у власти личность, ни захвативший власть класс, потому что это просто закономерность человеческого поведения в определенной ситуации — у власти. Первым законом любой власти является стремление власть имущих сохранить ее. Власть воспроизводится во все более точном своем виде. Во-вторых, она постоянно гомогенизируется, очищаясь от всего чужеродного, до тех пор пока каждый элемент власти не становится точной копией власти вообще, пока все ее элементы не станут взаимозаменяемыми, пока периферийная клетка не сможет заменить собой центр и пока эти периферийные клетки не смогут взаимозаменяться без нарушения деятельности аппарата власти. Аппарат власти функционирует без отклонений, потому что по сути своей он не должен реагировать на изменение среды, высоты

над уровнем моря, структуры населения и ни на что иное; напротив, реакция аппарата на все эти факторы должна быть абсолютно идентичной — приспособить эти новые условия к себе, унифицироваться до одной и при этом самой простой модели. Власть изолируется, и это тоже закономерно. Она уже не заинтересована в поддержке — власть опирается на самое себя, центр на периферию и наоборот; они могут полностью положиться (да и вынуждены полагаться) друг на друга, поскольку составляют замкнутый круг. Никого нельзя вырвать из этого круга, и никого из этого круга не выпускают. Внутренние разногласия и ошибки внутри же и ликвидируются.

Затем наступает следующий этап, который иногда определяют как этап создания династий. В благоприятный момент власть созывает законодательное собрание и позволяет ему оформить положение власти конституционным законом. Что бы ни предпринимала власть впоследствии, она делает это в соответствии с Конституцией. Поскольку не протяжении десяти, двадцати, пятидесяти лет власть не ставит этот вопрос на повестку дня, а по Конституции никто, кроме власти, его поставить не может, как — по Конституции — никто, кроме власти, не может созвать законодательное собрание, то конституционным путем устанавливается династия. Это династия исторически нового типа, поскольку она сохраняет один, но весьма существенный, демократический принцип: к ней может присоединиться каждый, кто в этом заинтересован. Благодаря этому принципу, династия не может вымереть ни по женской, ни по мужской линии.

Нас больше всего интересует один из внутренних законов власти — совершенно конкретный, неоднократно описанный литературой и всегда одинаковый закон выбора приближенных. Власть всегда отдает предпочтение тем, кто соответствует ей по внутреннему устройству. Однако потому что такие всегда в дефиците, она вынуждена использовать и других, приспособляя их к своим потребностям. Для прислуживания власти пригодны, естественно, стремящиеся к власти, затем — послушные по характеру; люди с нечистой совестью; люди, у которых стремление к благополучию, успехам в карьере и прибыли преодолевают нравственные барьеры. Власть приспособливает на службу себе людей трусливых, а также нуждающихся, ранее униженных,

которые доверчиво принимают предложение приобщиться к власти, и просто глупых. На определенное время, при особых обстоятельствах и для специальных задач используются также высокоморальные и бескорыстные, но недостаточно информированные энтузиасты, к которым отношусь и я. В процессе приспособления таких людей применяются старые средства. Материальные и духовные соблазны, угроза страдания, создание компрометирующих ситуаций, использование доносчиков; людей окружают атмосферой необоснованной подозрительности, чему они стараются противостоять демонстрацией лояльности; их отдают на милость и немилость подлецам и затем лицемерно вызволяют. Создается обстановка всеобщего недоверия. Само доверие сортируют на доверие первой, второй, третьей категории, причем массе людей вообще не оказывается никакого доверия. И информация делится по качеству — на розовой бумаге, на зеленой, на желтой и на газетной (смех в зале).

То, что я говорил о характере власти, имеет самое общее значение. Я даже не имею в виду власть в социалистическом государстве, поскольку понятие социализм связывают с научным руководством. А научная теория социализма ведь просто невысказана без изучения психологии власти. Как невозможно ее разработать без философии, политической экономии и социологии, так в ней должна быть инкорпорирована и психология власти, использующая достижения психологии личности и общества, психоанализа и психопатологии.

Я не останавливаюсь отдельно на вопросе классового характера власти, потому что это один из аспектов проблемы власти вообще.

У нас был проведен отбор людей по критерию их пригодности потребностям власти. Доверие проявляют к людям послушным, которые не создают трудностей, не задают вопросов. При каждом отборе больше очков получал человек посредственный, а сходили со сцены люди сложные, обаятельные, которые, благодаря своим качествам и своей деятельности, становились неназванным эталоном порядочности, совестью общества. С политической арены исчезали люди с чувством юмора, люди с собственными идеями.

Потеряло значение словосочетание „политик-мыслитель”

и такие слова как „представитель”, „защитник”. Пустым стало слово „движение”, когда все неподвижно. Были разорваны связи, на которых основывалась духовная структура и культура таких общностей людей как деревни, заводы, цехи. Ничто уже не несло на себе отпечаток индивидуального творчества. Из школ были изгнаны преподаватели, пытавшиеся быть педагогами; были уволены директора заводов, критически высказывавшиеся по вопросам, выходящим за рамки их предприятия; были распущены культурные и спортивные объединения, представлявшие для определенного слоя людей преемственность истории их деревни, области и государства.

Беньямин Кличка в „Дикарке Яе” писал: „Помни, что способность — это дерзость, это оскорбление начальника, и потому, можешь или не можешь, оставайся глупее бревна, и тогда будешь жить благополучно и долго”. Я не должен был даже зачитывать это по бумажке, я могу эту фразу повторить наизусть, потому что я говорю это сам себе постоянно. Этим словам более сорока лет и относились они к обществу до революции. Но только после нее они приобрели широкое значение и мудрость слов Клички мог на собственном опыте проверить каждый. Вы обратили внимание, что все мы, чехи и словаки, полагаем, что на работе нами всегда руководят люди, менее способные, чем мы. И все мы, собираясь в компаниях, тихо жалуемся на это. Это отвратительно, потому что наряду с теми, у кого, возможно, есть повод жаловаться, ругаются и бездарные лентяи, недоучки и просто люди слабые духом. И они кричат, что не имеют возможности, не имеют права... Образовалось фальшивое и вредное единство людей, которые, не имея ничего общего друг с другом, объединены невидимым связующим веществом — общим, несмотря на различие мотивов, отращиванием.

Люди практические нашли для себя дополнительное поле деятельности, непрактичные — трясутся над своим ореолом мученика. На литературном рынке стала модной депрессия, духовный разврат, нигилизм. Оргия снобов. Так и умный человек станет дураком. Но иногда в нем проявляется инстинкт самосохранения — и тогда ему хочется давать пощечины налево и направо. Потом посмотрит вверх — кто стоит над ним, взглянет вниз, и увидит, что и находящиеся внизу могут оказаться над ним, и спросит: „Боже мой, за что это?”

Подумайте, вот уже в течение двадцати лет наибольших успехов достигают те, у кого наименьшая сопротивляемость к разврату, сопутствующему власти. Подумайте только, люди с хрупкой совестью не в состоянии найти поддержку закона, помощь со стороны власти, которая в соответствии с буквой закона обязана их защищать. Если говорить о букве закона, то создается впечатление, что у нас действительно существует действующий набор прав и обязанностей, который служит „свободному, всестороннему развитию и применению способностей граждан и одновременно укреплению и развитию социалистического общества” (ст. 19 Конституции ЧССР).

Работая в газетах и на радио, я убедился, что в действительности граждане очень редко говорят о соблюдении своих конституционных прав, потому что любой аппаратчик — представитель даже периферийных органов власти — может поставить это их право в зависимость от обстоятельств и условий, которые не указаны и не могут быть указаны в Конституции.

В последнее время я часто заглядывал в Конституцию и пришел к выводу, что это неудачно составленный документ и именно поэтому он потерял авторитет у граждан и организаций. С точки зрения стиля, это многословный документ, причем некоторые исключительно важные формулировки слишком туманны. Приведу пример, который относится к сфере умственного труда и больше других касается деятельности нашего Союза писателей. Ст. 16 Конституции сформулирована следующим образом:

„Культурная политика, развитие образования, воспитание и обучение ведутся в Чехословакии в духе научного мировоззрения марксизма-ленинизма и в тесном контакте с жизнью и работой людей”.

Каждый хороший педагог считает само собой разумеющимся, что воспитание неразрывно связано с трудом и жизнью, но все-таки мне неясно, какой орган и какой суд будет принимать решение о научном характере того или иного мировоззрения, когда уже само понятие *наука* охватывает движение и эволюцию взглядов в соответствии с все расширяющимся познанием и когда этот динамизм науки противоречит неизменности и однозначности понятий, определенных правовыми нормами.

Можно, правда, договориться что под научным мировоззрением понимается определенный набор тезисов, но тогда возникает другой вопрос: не является ли наше государство доктринарным, а не научно управляемым, как, вероятно, полагали законодатели. И еще один пример, непосредственно касающийся темы моего выступления:

Статья 28 Конституции говорит: „В соответствии с интересами трудящегося народа всем гражданам гарантируется свобода высказывания во всех областях общественной жизни и, в частности, свобода слова и печати”.

Я лично считаю, что перечисленные свободы уже сами по себе служат интересам трудящихся, поэтому данный оборот совершенно излишен, более того, он вносит неясность, предоставляя кому угодно трактовать, что выражает интересы трудящегося народа. Я думаю, что специалист, если бы он использовал это выражение, счел бы необходимым перечислить, что в интересах трудящегося народа, а что этим интересам противоречит, а скрупулезный законодатель вообще постарался бы избежать такого перечисления.

Лично я предпочел бы лаконичную формулировку, содержание которой не вызывало бы сомнений. Только короткая, четкая формулировка придает законам характер распространенной народной мудрости, только такая формулировка остается в сознании и действует настолько эффективно, что для обеспечения права нет даже надобности в судах. Языковая же небрежность, неточность мышления, наблюдаемые в Конституции, обуславливают невозможность ее соблюдения. Тем самым высшая правовая норма остается лишь добрым намерением и программой, но не признанным гарантом прав гражданина. Конституция должна отвечать тем же требованиям, что и любой другой правовой документ, с той лишь разницей, что никакие подчиненные ей нормы, предписания, уставы, постановления, директивы не должны конституцию ни ограничивать, ни делать неясной.

Я высказал свое мнение о характере, развитии и поведении власти вообще. Я старался показать, что контролирующая власть механизмы подводят, и поэтому гражданин не только теряет уважение к самому себе, но и объективно утрачивает

статус гражданина. Когда такое положение длится так долго, как у нас, оно, естественно, накладывает отпечаток на сознание многих людей, на мировоззрение молодого поколения, которое ни в учебных заведениях, ни на практике не узнало, что человечество веками хлопочет об установлении совершенной демократии. Если это положение не изменится и в дальнейшем (и если не сработают защитные реакции людей), то в будущих поколениях изменится сам характер наших народов. Скептическое, культурное сообщество людей заменит легко управляемое население, господствовать над которым было бы наслаждением и для иностранца. Не стоило суетиться тысячу лет, чтобы дойти до жизни такой.

Поскольку никто из нас не родился для того, чтобы позволить легко управлять собой, я предлагаю, чтобы Союз писателей, быть может, в сотрудничестве с Союзом журналистов и другими творческими союзами, предложил Академии наук ЧССР провести экспертизу Конституции и, в случае необходимости, разработать рекомендации по ее изменению. Академия наук ЧССР может, например, поручить своим членам посещать во время предстоящей избирательной кампании предвыборные собрания, поднимать на них этот вопрос и способствовать тому, чтобы люди на выборных постах действовали в полном соответствии с Конституцией. Можно поступить и иначе. Каждый из нас может встретиться со своим депутатом и попросить его выдвинуть вопрос о Конституции в парламенте.

Выступая сейчас перед вами, я не испытываю того чувства свободы, которое обычно охватывает человека, когда он свободно говорит, что думает. У меня, скорее, ощущение, что я довольно трусливо использую момент перемирия между гражданином и властью, злоупотребляю тем, что в эти дни заигрывают с писателями и другими творческими работниками. Как долго такое время продлится, неизвестно. Возможно, до зимы, возможно, до завтра. Я не верю, что власть может отождествить себя с гражданином; я не верю, что правители и управляемые могут запеть в унисон, и не верю, что власть и искусство будут мирно сожительствовать. Не будут, не в состоянии, потому что они разные, потому что не подходят друг другу. Однако понимание положения и гражданами и властью вселяет надежду, что они догово-

рятся о правилах мирного сосуществования. Писатели — люди; правящие круги тоже состоят из людей. Если кто-либо из нас случайно окажется в органе политической власти и переживет внутреннюю поляризацию, он будет воевать сам с собой. Свободолюбивый человек, человек несколько эгоистичный, обеспокоенный тем, чтобы не осквернить себя больше, чем грязью окружающего мира, человек, осознающий сложность проблем, но мечтающий о том, чтобы они стали простыми, то есть поэт или музыкант, в органы государственной власти не войдет. Поэт-министр, это лишь грациозный реверанс власти. Я говорю здесь о несовместимости, а не о враждебности. Расскажу вам, что произошло со мной — за последние два дня я несколько раз вспоминал этот случай. В марте прошлого года я, как член редколлегии газеты „Литерарни новины“ („Литературная газета“, — Ред.), был на заседании отдела идеологии ЦК КПЧ. Для нас это заседание закончилось неблагоприятно. Я сидел за столом напротив секретаря ЦК Йиржи Гендриха, так что видел не его контуры, как бывало в прошлом, а лицо — лицо мужчины намного старше меня. Настолько старше, что с ним, как меня учили дома, я должен был бы поздороваться первым. Это было лицо человека, который перестал быть для меня институтом, превратившись в кого-то, у кого, как и у меня, есть заботы — по дому, по работе, возможно, и другие. Наверняка и заботы у него сложнее моих, и живет он с ними дольше. Я не очень удачно выступал тогда. Я пытался говорить совершенно открыто и откровенно, но пугался и отступал. Мне казалось, что они приписывают это другим мотивам, о чем-то они все время шептались. Я почувствовал беспомощность, и это очень унижало меня. Когда я вернулся домой, то кроме растрепанных мыслей о том, что произошло в ЦК, все время возвращалась новая мысль, возможно, не мысль, а беспокоящее ощущение, которое мешало мне провести четкую границу между двумя полюсами, между этими МЫ и ОНИ. Я чувствовал, что на меня подул ветерок неизвестного, что я увидел проблемы и неприятности с другой стороны. Пережитое мной ощущение нельзя описать распространенными терминами типа „классовая точка зрения“, „оппозиция“ и т. п. Это военные термины. Мне нужно было как-то определить свое отношение, чтобы я мог продолжать вести перегово-

ры. И тогда я сказал себе: мое тяжелое ощущение — составная часть переговоров. Все совершенно естественно. У него проблемы, потому что он хочет заниматься тем, чем занимается, хотя и не должен, а я — тоже хочу быть редактором газеты. И вот тогда я снова задумался о власти как о ситуации, в которой оказывается человек. Я завершаю мое отступление и возвращаюсь к тому, о чем я говорил раньше. Писатели — люди, и „дравящие круги” состоят из людей. Писатели не стремятся к анархии, потому что они хотят жить в красивых городах, иметь прекрасные квартиры и желают этого другим, они заинтересованы в развитии промышленности, торговли, в высокой прибыли для всех. И все это недостижимо без организационной деятельности правительства.

Искусство не может отказаться от темы власти, потому что осуществлять власть — это значит постоянно, прямо или косвенно, принимать решения о жизни людей, об их благополучии и разочарованиях, о том, что неразрешимо вообще. И вот на этом неразрешимом деятельность власти стыкается с художественной деятельностью, и появляется какое-то решение. Искусство не может отказаться от критики власти, потому что власть какая она есть, и методы, при помощи которых она правит, это проявление культуры народа.

Наше правительство, например, радуется художников, когда хвалит их за великолепный павильон на Всемирной выставке. Оно с удовольствием сделает это, потому что такая похвала — политический акт, и, возможно, похвалит искренне. Это, однако, не значит, что художники будут довольны своим правительством. Потому что такой павильон, использующий в определенном смысле права экстерриториальности, демонстрирует, что художники могли бы создать дома, если бы их вес на родине равнялся их международному весу. И, признаюсь, я много раз задумывался над тем, не служим ли мы обману, когда строим прекрасные павильоны за границей, зная, что наши лучшие произведения — нежеланны; что все, что мы делаем, это по милости Божьей; что срок приближается, а мы даже не знаем точной даты.

Все, чего достигла наша культура, как и вообще все хорошее, что создали наши люди, — изделия, постройки, открытия, исследования, все это было сделано вопреки правящим кругам.

Их как бы заставили принять все хорошее. Я не хочу быть несправедливым. Я убежден, что за любое благородное движение внутри правящих кругов, за любую попытку улучшить стиль была заплачена дорогая цена, были принесены жертвы, и каждое заметное улучшение было достигнуто с трудом. Так о каком руководстве, о каком водительстве может идти речь? Я вижу только торможение. За десятки лет после очередных выступлений руководителей я ни разу не подумал: какая блестящая идея, и совершенно новая к тому же! Напротив, я очень часто говорил себе: подумаешь, ведь это давно всем известно! А еще чаще я пугался: как можно при этом спасти свои идеи, как их перехитрить, потому что невозможно ничего объяснить тем, кого никогда не видишь. Я вижу и слышу, что власть уступает только тогда, когда она видит и слышит сильное сопротивление. Не аргументы — ими ее не убедишь. Только провалы, повторяющиеся провалы, так как власть не перестает поступать, как прежде. Провал, за который мы все расплачиваемся благополучием и нервами. Я вижу опасность, я вижу неизменную волю вернуть прежние страшные времена. Что тогда значат слова, что мы получили Союз писателей, что мы получили Литфонд, что мы получили издательства и газеты? Угрозу, что у нас все это могут отобрать, если мы не будем вести себя как следует? Если бы я готов был признать, что все это принадлежит им, то сказал бы, как говорит моя сестра, „кто дал — тот взял”... Но разве они действительно хозяева всего? А что же тогда остается другим? Если ничего, то незачем нам тогда здесь собираться. Пусть скажут. Пусть станет ясно всем, что кучка людей намерена решать — быть или не быть всему, решать, что должно быть сделано, о чем следует думать, как нужно чувствовать. И это будет свидетельством положения культуры в государстве, это будет критерием культурности народа, а не произведения культуры, добившиеся высокой известности и оценки.

В последнее время нам часто приходилось слышать, что правящие круги признают определенную автономию культуры, но только в рамках культурной деятельности, пусть, мол, деятели культуры не сердятся, когда, вступив в область политики, они получают замечания. При этом пользуются нашими же аргументами: нас упрекают в нарушении нашего же утверждения,

что каждую работу должны выполнять специалисты. Я согласен, что политикой должны заниматься специалисты. Но откуда у политических деятелей уверенность в том, что они-то и являются специалистами? Я сомневаюсь в этом, и попробую доступно объяснить причину моих сомнений. Врач, наверняка, специалист — он лучше нас может определить диагноз, он знает, как нас профессионально лечить. Но врач ни в коем случае не может лучше нас знать, как мы себя чувствуем после его лечения. Только шарлатан, а не врач, может сделать нам опаснейшую операцию, не получив на нее нашего письменного согласия.

Автономия искусства и культуры? Это всего лишь лозунг и временная тактика. Сегодня говорят одно, завтра другое. Выглядит это по-разному, но не нужно быть крупным специалистом, чтобы увидеть, что все это из одной бочки, но из разных кранов.

Я не чувствую себя в безопасности в той обстановке в области культуры и политики, которую правящие круги могут накалять до раскола. Я не чувствую себя в безопасности вне стен этого зала, то есть за пределами моей спортивной площадки. Ничего мне не сделали, ничего со мной не произошло. В наше время так больше не поступают. Я должен быть за это благодарен? Но я не испытываю благодарности, потому что боюсь. Я не вижу никаких существенных гарантий безопасности. Суды, действительно, работают лучше, но судьи — разве у них есть гарантии? Я вижу, что прокуратуры работают лучше, но разве у прокуроров есть гарантии, разве они чувствуют себя в безопасности? Если хотите, я могу взять у кого-то из них интервью для газеты. Вы думаете, эти интервью удалось бы напечатать? Я готов взять интервью и у генерального прокурора — спросить его, почему невинно осужденных и уже реабилитированных не восстанавливают автоматически в правах, почему местные власти не возвращают им их квартиры и дома. Но такое интервью не будет напечатано. Почему перед этими людьми не извинятся, почему у них нет привилегий бывших политических заключенных, почему с ними торгуются о компенсации? Почему мы не имеем права жить, где хотим? Почему наши портные не могут поехать на три года в Вену, а наши художники не могут жить 30 лет в Париже и иметь право в любой момент вернуться домой не как

преступники? Нет сомнения, что наш парламент великолепно знает один правовой принцип — *Nullum crimen sine lege* — нет преступления без закона. Этот принцип парламент осуществляет, производя для государства столько преступников, сколько требуется. (Аплодисменты). Почему люди, которым у нас не нравится, не могут убраться к черту, и почему люди, которые не заинтересованы в успехе предпринятых мер по демократизации, не уходят со своих постов?

Следует отметить, что было принято несколько новых и неплохих законов. Следует отметить, что разрабатываются дополнительные законы. Следует также отметить, что новый закон о печати хорошо метет. Подготавливается также новая редакция закона о ряде гражданских свобод, в частности, о свободе собраний и объединений. Этот проект готовит Министерство внутренних дел. Уже набранная в „Литературной газете“ статья на эту тему была запрещена. Я не вижу гарантий. Каких гарантий? Не знаю. На этом я останавлиюсь, потому что здесь я подошел к тому, в чем я сомневаюсь больше всего: имеют ли гарантии правящие круги, правительство, отдельные министры, имеют ли они гарантию своих гражданских свобод, без которых невозможно творить, в том числе и политику. На этом пункте моя характеристика внутренних закономерностей каждой власти кончается, и я могу только сослаться на слова, которые были сказаны до меня — о жерновах, перемалывающих иногда и тех, кто раскрутил их.

Степень культурности мер, необходимых для налаженного хода дел в государстве, является мерилом его подлинной культуры. Поэтому культура политики сейчас важнее политики в культуре. Там, где политика политиков культурна, ни писатель, ни художник, ни инженер не должен тратить сил на хлопоты о своих профессиональных, цеховых, ведомственных и других правах, не должен подчеркивать специфику своего труда, там он не вызывает недовольства других граждан — рабочих, крестьян, служащих, которые обладают теми же правами, что он, но не находят средства преодоления цензуры для заявления о своих мыслях, или перевода своих чувств на язык искусства, чтобы сообщить о них людям через конструкцию или краски, через афоризм, стих или музыкальное произведение. Именно

некультурная политика, а не плохая политика в культуре, создает очаги борьбы за свободу, оскорбляясь при этом, что о свободе не перестают говорить, и не понимая, что *свобода достигнута только там, где о ней нет никакой надобности говорить*. Некультурная политика недовольна, когда люди говорят, что видят, и вместо того, чтобы изменить увиденное людьми к лучшему, она предлагает им разные очки. А в это время безвозвратно уходит в Лету то единственное, что достойно всеобщего порыва, — мечта о правительстве, тождественном гражданину, и о гражданине, который управляет собой почти что сам. Является ли эта мечта осуществимой?

На пути к этой мечте, к которой наши народы стремились с древнейших времен нашей истории, мы добились каких-то успехов. Одним из них было возникновение самостоятельной Чехословакии — благодаря прогрессивным силам народа и прогрессивным политикам, о чем, кстати, не говорится в проекте Заявления съезда и что я прошу там отметить. Ведь именно тогда возникло государственное образование, которое, несмотря на все недостатки, было высоко демократическим по сравнению с существовавшими в то время режимами, и которое не воспитало в своих гражданах неприязни к идеалам социализма. (Аплодисменты.) Именно преемственность идеи о государстве социального обеспечения позволила после второй мировой войны представить программу социализма. Особые условия, в которых эту программу начали осуществлять, и, главным образом, положение в стране „уже победившего социализма”, привели у нас к деформациям и событиям, которые никак невозможно объяснить нашими климатическими условиями, характером нашего народа или нашей историей. Говоря об этом периоде деформации, пытаются найти объяснение, почему пропало столько нравственных и материальных ценностей, почему мы так отстали экономически. Правящие круги заявляют, что это было неизбежно. Я думаю, что для нас всех это не было неизбежно, но, не исключено, что это было необходимо для духовного развития органов власти, которые и всех защитников социализма заставили проделать этот процесс с ними.

За двадцать лет у нас не была решена ни одна из насущных проблем человеческой жизни — не было обеспечено самое необ-

ходимое — квартиры, школы, предметы повседневного потребления, как не были удовлетворены и такие потребности человека, которые недемократические системы вообще не в состоянии удовлетворить — чувство, что гражданин нужен обществу, подчинение политических решений критериям этики, вера в значимость любого труда, доверие между людьми, рост народного образования. Я не говорю уж о том, что и на международной арене мы никаких успехов не добились. Имя нашей республики утратило свое прежнее значение. За последние годы мы не дали человечеству ни одной оригинальной идеи, ни одного конструктивного предложения, например, как при развитии производства не утонуть в отходах этого производства; мы до сих пор тупо повторяем ошибки, допущенные и на Востоке, и на Западе. Наше общество не создало института, который занимался бы вопросами стиля жизни, тем, как обновить наш запыленный и шумный образ жизни.

Я не утверждаю, что мы жили напрасно и что было сделано не имеет никакой ценности. Ценное есть, но возникает вопрос, не является ли это ценное своего рода предупреждением. Познания человечества расширились бы и без того, но инструментом познания не должна быть страна, культурное прошлое которой предупреждало об опасности. Я предлагаю поэтому отразить в Заявлении, что было известно чехословацкой культуре в 30-е годы или что, по крайней мере, представители нашей культуры ощущали тогда.

В последнее время мне привелось познакомиться с целым рядом удивительно свежих людей. Речь идет о нескольких личностях и нескольких коллективах — трудовых и творческих. Поразительно сопротивление, которое они оказали власти, их действия, соответствовавшие древним благородным принципам: трудиться честно, соблюдать слово, не предавать самих себя, не позволять заморочить себя. Наряду с этими в принципе классическими чертами хороших людей, они приобрели еще одну, новую: отсутствие чувства дистанции между начальством и подчиненным, между выше- и нижестоящим. И, как это ни странно, именно эта черта, присущая в прошлом лентяям и бродягам, в сочетании с классическими положительными чертами, создавала впечатление нового человека, который не намерен унижаться ради куска хлеба.

В заключение я хотел бы отметить, хотя, надеюсь, это было ясно из сказанного мною, что критика власти в нашем государстве не означает критику социализма, поскольку я совершенно не уверен в необходимости строить социализм так, как это делалось в нашей стране, и поскольку я нашу власть не отождествляю с социализмом, как это делает она сама. И судьба их не должна быть тождественной. Если бы люди, которые осуществляют власть в нашем государстве, — я сейчас как бы отрываю их от института власти и обращаюсь к ним как к индивидуумам со своими чувствами, со своими мыслями, — так вот, если бы они пришли сюда и задали нам один-единственный вопрос: осуществима ли мечта о правительстве, тождественном гражданину, и о гражданине, который подвластен только самому себе, то и они должны были бы признать проявлением доброй воли с нашей стороны и гражданской лояльности ответ: „Не знаю” (Аплодисменты).

Павел Когоут

О ЦЕНЗУРЕ

(сокращенный текст)

В одном из регионов мира появилось новое государство. Оно возникло на исторической территории малого народа, который на протяжении многих веков подвергался гонениям и ассимиляционному давлению соседних наций. Это произошло вследствие военного конфликта, в котором народ данного государства, пусть и весьма малочисленный, сыграл очень важную роль — и в результате получил законные границы и дипломатическое признание. Но этот малый народ не перестал быть сучком в глазу своих соседей. Некоторое время спустя, они снова заявили о претензиях на его территорию. Предлогом для этого стало прежде всего наличие на его территории значительного национального меньшинства, исторически отделенного от своей нации в соседнем государстве, утверждавшего, что права этого меньшинства подавляются. 20 лет спустя положение обострилось настолько, что могущественный сосед стал угрожать малому государству уничтожением. Угроза не была лишь словесной и высказывалась не шепотом, а открыто, перед всем миром. „Уничтожение” — это слово повторялось почти в каждом выступлении лидера могущественного народа. „Уничтожение” — это слово ежедневно повторялось на плакатах, в печати и по радио. Проживавшему в малом государстве меньшинству ежедневно пересылалось оружие, туда переправляли диверсионные группы; на границах сконцентрировались воинские соединения могущественного соседа, намерения которого не вызывали ни-